

ЕЛЕНА ВАЙЦЕХОВСКАЯ

ЕЛЕНА ВАЙЦЕХОВСКАЯ

ОЛИМПИЙСКИЕ
ИГРЫ

Очень личное



Издательство АСТ
Москва

УДК 796.032.2

ББК 75.4

В14

СЕРИЯ «ЗВЕЗДЫ СПОРТА»

В книге использованы фотографии
Александра Вильфа, Александра Федорова,
Федора Успенского, Дмитрия Солнцева

Оформление обложки: *Юлия Межова*

Вайцеховская, Елена Сергеевна

В14 Олимпийские игры. Очень личное/ Елена Вайцеховская.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 510, [1] с.: 16 л. ил.— (Звезды спорта) .

ISBN 978-5-17-109843-8

Эта книга не о результатах. Она о людях. О том, как тренировались, побеждали и проигрывали великие спортсмены. Павел Буре, Евгений Плющенко, Юлия Липницкая и Аделина Сотникова, Евгения Медведева и Алина Загитова, Светлана Хоркина и Елена Исинбаева, Александр Попов и Александр Карелин — лишь малая часть героев книги.

Уникальный опыт Елены Вайцеховской — олимпийской чемпионки и спортивного журналиста — позволил показать Олимпийские игры изнутри, передать эмоции и рассказать настоящие человеческие истории.

Для всех, кто хочет узнать, что такое настоящие Олимпийские игры.

УДК 796.032.2

ББК 75.4

Подписано в печать 05.10.2018.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.

Печать офсетная. Бумага типографская.

Гарнитура Baltica

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции

ОК-034-2014 (КПЕС 2008);

58.11.1 – книги, брошюры печатные

ТР ТС 007/2011

© Елена Вайцеховская, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

За все время своего существования человечество не придумало ничего более интересного, нежели Олимпийские игры...

Эти слова я впервые услышала от своего отца, еще когда училась в школе. После не раз думала: «А почему, собственно?» В конце концов, в кругу моих знакомых, да и отцовских тоже, было немало людей, которые вообще не интересовались спортом. Более того, не скрывали, что считают это занятие достаточно бессмысленным. Но почему тогда и они тоже прикипали к телевизорам, когда там раз в четыре года, а потом — в два начинали транслировать олимпийские баталии?

В одном из своих ранних репортажей я как-то написала:

«Придумать фразу „Главное — не победа, а участие“ мог лишь тот, кому никогда в жизни не светило стать олимпийским чемпионом. Эти слова принято приписывать основателю олимпийского движения француз Пьеру де Кубертену, хотя на самом деле ее впервые произнес архиепископ Кентерберийский во время торжественной мессы, посвященной Олимпийским играм 1908 года в Лондоне. Знали бы покойные барон и архиепископ, насколько далек от истины станет этот девиз уже к концу XX века, — ей-богу, оба перевернулись бы в своих гробах».

Главный редактор тогда долго хохотал, а потом совершенно серьезно спросил: «Ты на самом деле так счита-

ешь?» И, получив утвердительный ответ, предложил: «Может быть, напишешь об этом подробнее?»

Об этом я пишу уже более трех десятков лет. Олимпиады — далеко не весь большой спорт. Скорее, верхний его срез. С совершенно непередаваемым напряжением, невероятного накала поединками, человеческими драмами. Иногда бывает очень тяжело смотреть на это со стороны. И тем более — об этом писать. Но до сих пор, оказываясь на Играх, я вспоминаю именно ту отцовскую фразу. И каждый раз заново прихожу к выводу, что человечество за все время своего существования действительно не придумало ничего более интересного.

Кто-то, возможно, не согласится. Взгляд журналиста вообще не может быть истиной в последней инстанции. Потому что он — всего лишь отдельно взятый человеческий взгляд на те или иные события. Иногда излишне пристрастный, возможно, не всегда объективный. Словом, какой есть.

Собственно, я и не претендовала на объективность, начиная писать эту книгу. Не ставила перед собой цель максимально полно изложить хронологию тех или иных Олимпиад. Эти воспоминания дороги тем, что за каждой отдельно взятой историей стоят очень близкие мне люди. Которым я безумно признательна за пережитые вместе мгновения успехов, неудач... За то, что их Олимпийские игры стали и моими тоже...

Елена Вайцеховская

1976 ГОД. МОНРЕАЛЬ

Глава 1 В КОМАНДЕ!

Все началось с салата... Хотя нет. Наверное, все началось именно тогда, когда я окончательно поняла, что в олимпийскую сборную меня не возьмут ни при каком раскладе.

Это стало очевидным сразу после отборочного чемпионата страны, на котором я заняла пятое место. Вакансий в олимпийской команде было всего три, две из которых были закрыты сразу же — по итогам отбора. Официально нам объявили, что окончательное решение будет принято за месяц до Игр — после того, как пять или шесть кандидатов на оставшееся место выступят на контрольных соревнованиях. И я незамедлительно решила, что меня в этой команде тренеры не видят вообще.

Единственным моим плюсом на тот момент была самая сложная в мире произвольная программа, исполнять которую без ошибок получалось далеко не всегда.

Та программа и сложилась-то случайно. В начале 1974-го мой тренер Валентина Николаевна Дедова «натаскивала» меня на сложный, но отнюдь не уникальный прыжок — три с половиной оборота вперед. Накануне дня, когда мне предстояло впервые в жизни сделать его с десятиметровой вышки, мы с такими же, как я, охладомонами из сборной ЦСКА всю ночь резались в карты на тренировочном сборе. Играли в «кинга», и за каждые десять потерянных очков проигравший выпивал стакан воды.

Игра затянулась до утра. Дежурный тренер по какой-то личной причине уехал в тот день ночевать домой, и контролировать «детей» оказалось просто некому. Вот так, после бессонной ночи, с двумя литрами булькающей в животе воды я потащилась в бассейн. И, пойдя на новый прыжок, раскрылась в воздухе «в потолок» — аккуратно после трех оборотов.

Как потом рассказывали те, кто был в бассейне, на воду меня положило с таким звуком, словно кто-то резким движением сломал сухую толстую доску. Сама я, естественно, этого не помню. Запомнилось как бы прорывающееся из мутного тумана перепуганное лицо тренера («Ты как?»), собственные слова («Не волнуйтесь, все нормально, я сейчас обязательно еще раз прыгну, вот только чуть-чуть в воде посижу...»), какой-то странный соленый привкус во рту и наплывающая со всех сторон чернота, которую пробивает чей-то истошный вопль: «Врача-а-а-а...»

В «цирковых» видах спорта есть неписанный закон: если трюк не получился, его нужно обязательно повторить еще раз. Немедленно. Иначе страх перед элементом остается навсегда. Я же вернулась в бассейн только два месяца спустя. И в глубине души точно знала, что на эти «три с полтиной» не пойду больше никогда.

Именно тогда Дедова предложила мне альтернативу в виде гораздо более сложного прыжка, который на тот момент исполнял один-единственный человек в мире. Вот только он был мужчиной...

Когда элемент удалось освоить и включить в программу, было даже любопытно наблюдать за реакцией окружающих. Коэффициент трудности в прыжках в воду — величина определяющая: на нее умножается средняя оценка, полученная за прыжок от судей. По тем временам максимальный коэффициент трудности отдельно взятых женских прыжков редко переваливал за 2,6. Поэтому цифры в моем стартовом протоколе (2,7 – 2,7 – 2,9 – 2,9) вызывали у окружающих шок. На первом взрослом чемпионате Европы к моей Валентине Николаевне даже подошла ее коллега — тренер из Че-

хословакии Мария Чермакова: «Валя, у твоей девочки ошибка в протоколе». Когда же Дедова объяснила, что никакой ошибки нет, Чермакова вытаращилась в недоумении: «Ты хочешь сказать, что она все это прыгает???»

За глаза чужие тренеры даже заключали пари, как скоро «эта сумасшедшая» убьется или загремит в психушку. У меня же просто не было иного выхода: другие спортсменки отличались более красивыми линиями в воздухе, большей растянутостью в суставах, изяществом телосложения, добиваться которого мне удавалось лишь жесточайшими голодовками, так что противопоставить всему этому можно было только сложность.

Но уповать на нее в 1976-м было бессмысленно. Никого не волновало, что перед отбором я пропустила три недели тренировок из-за воспаления легких (последствия того самого удара о воду) и не успела подготовиться. Поэтому я и начала заранее вбивать себе в голову, что ехать на Игры не хочу сама.

Закончилось это тем, что в один из дней Дедова позвонила моей маме — тренеру по плаванию в том же ЦСКА: «Маша, Ленка не хочет тренироваться. Я не знаю, что с ней делать...»

И, как ни крути, получается, что все началось с са-лата...

* * *

В тот день мы ждали гостей. На пятиметровой кухоньке нашей «хрущобы» все рабочие поверхности были заставлены какими-то мисками, в которых лежали нарезанные для «оливье» вареные овощи, что-то одно-временно жарилось, запекалось в духовке, и я решила, что лучшего момента, чтобы поговорить с мамой о своих планах, мне просто не представится.

Как бы невзначай, укладывая в раковину грязную посуду, я начала прощупывать почву:

— Знаешь, я не хочу продолжать тренироваться. Устала как собака. Может, лучше на море съездить? Бог с ним, с этим Монреалем...

Какое-то время мама молча продолжала раскладывать по тарелкам еду и наконец подозрительно тихо и спокойно сказала:

— Понимаю прекрасно. На море сейчас хорошо... Действительно, пусть в Монреаль другие едут. И тренеры пусть едут другие. Те, кто не возился с тобой столько лет, не тратил столько нервов. Ну, а что делать, если ты не хочешь на Олимпийские игры?

С этими словами она взяла в руки самую большую, свою любимую, доверху заполненную салатом фарфоровую миску и резким движением что есть силы швырнула ее об пол.

— Конечно же, ты устала,— не меняя ровного тона, продолжала мама, как бы между делом отгребая ногой в сторону осколки стекла и ошметки овощей.— Конечно же, тебе в голову не приходит, сколько на тебя потрачено государственных денег. Сколько раз тебя возили за границу — хотя бы для того, чтобы показать остальным, какая в команде есть замечательная девочка. Выдавали экипировку. Шли навстречу в школе, где у тебя было свободное посещение, освобождали от экзаменов. Ерунда, подумаешь... Ну, приедут в Монреаль без тебя, объяснят, что девочка... не захотела поехать на Олимпийские игры!

Вторая миска с салатом, на этот раз — хрустальная, разлетелась на куски прямо у моих ног. Я вжалась в стену, понимая, что следующая посуда неминуемо полетит мне в голову, и судорожно пробормотала: «Мама, не надо. Я все поняла...»

— Тогда неси тряпку и ставь варить картошку и яйца для салата. У нас еще сорок минут до прихода гостей,— буднично заключила мама.

Лишь год спустя я узнала, что на следующий день после той кухонной разборки маме снова позвонила Дедова: «Маша, что ты с ней сделала? Она землю роет...»

Контрольные соревнования я выиграла с отрывом от второго места в пятьдесят баллов...

* * *

В Монреаль Дедова не приехала. Как выяснилось позже, тем, кто был включен в команду «третьими номерами», личных тренеров не полагалось в принципе. Потом вопрос вроде бы решился, поскольку у Дедовой должен был выступать на Играх еще один спортсмен — Слава Страхов, но когда Валентина Николаевна пошла относить документы в выездной отдел, то выяснилось, что все его сотрудники уже сами уехали в Канаду. И она осталась в Москве.

Когда я узнала об этом, со мной сделалась истерика. Плачущая, жалкая и бесконечно одинокая в своем горе, я поздним вечером поднялась на этаж к пловцам в Олимпийской деревне и продолжала скулить под отцовской дверью, не решаясь постучаться. Слишком привыкла, что все его время распланировано так, чтобы тратить его не на меня, а на пловцов, сборную которых он возглавлял.

Спустя какое-то время дверь распахнулась.

Выслушав мои причитания, отец, ничем не проявляя сочувствия, спокойно сказал:

— Вытри сопли. Теперь слушай. В Америке есть хорошая практика. Всех директоров крупных предприятий время от времени отправляют в длительные командировки или отпуск. И смотрят, насколько четко предприятие работает, оставшись без руководителя. Если начинаются проблемы, директора немедленно увольняют. Потому что грош цена тому начальнику, который не способен наладить работу так, чтобы она бесперебойно шла в его отсутствие. Поэтому твоя главная задача — доказать всем, что у тебя самый лучший тренер в мире. Ты все поняла?

Я поняла все. Все последующие дни в голове стучала лишь одна мысль: «Я должна доказать всем, что мой тренер — самый лучший в мире».

Парадоксально, но отец всего лишь раз в жизни видел, как я прыгаю в воду. В начале семидесятых он случайно заглянул на тренировку, которая закончилась

крайне неудачно: на его глазах я довольно сильно ударилась о воду в одном из прыжков. Вид собственного ребенка, на котором, что называется, не было живого места, поскольку от удара вся передняя поверхность тела мгновенно превратилась в сплошной синяк, привел отца к разумному в общем-то желанию: никогда больше не видеть подобных кошмаров своими глазами.

В Монреале в день, а точнее, вечер моего финала он просто ушел в столовую. Набрал полный поднос еды, чтобы как-то отвлечься от мыслей, но не успел приступить к трапезе: дверь в общий зал распахнулась, и в проеме нарисовались два тренера из его команды.

— Михалыч, ты что, старый дурак, тут расселся? Твоя Ленка — олимпийская чемпионка!!!

По свидетельству очевидцев, отец вскочил на ноги, поднял поднос с едой над головой и что есть силы ша-рахнул его об пол с диким криком: «А-а-а...»

Внезапно он умолк, обвел тренеров сумасшедшим взглядом и в полной тишине замершего от неожиданного спектакля зала отчеканил:

— Если наврали, убью! Обоих! — и со всех ног помчался в бассейн.

Впрочем, я забегая вперед...

Глава 2 ОБЩЕЖИТИЕ ОЛИМПИЙСКОГО ТИПА

... Спустя много лет я напишу об Олимпийских играх: «Первые дни всегда сопровождаются всеобщим сумасшедшим возбуждением. Журналисты, обслуживающий персонал, прохожие на улицах, совершенно чужие друг другу люди знакомятся, обмениваются сувенирами, мнениями, визитными карточками. Эмоции хлещут через край: спокойный тон — редкость. Все гипертрофированно громко: разговор переходит в крик, смех — в гомерический, до истерики, хохот, шаг — в бег.словно внутри у каждого до предела закручена тугая тонкая струна.

Опытные тренеры больше всего боятся именно этого: водоворот человеческих эмоций, где вслед за кульминацией всегда наступает апатия, не может не затронуть самих спортсменов. И крайне важно уметь ему противостоять. Потому что самая большая, за исключением травмы, беда, которая только может случиться на Играх с человеком, готовым на победу, на спортивном языке называется коротко: «Перегорел». Это может произойти за секунду до старта: вдруг чувствуешь, что вместо неудержимого желания выступать остается лишь одна гаденькая мысль: «Скорее бы все кончилось...»

В Монреале я, естественно, ничего этого не понимала. Повезло в том, что ни один человек в команде не носился ко мне всерьез. Единоличным лидером команды совершенно справедливо считалась Ира Калинина, которая к тому моменту была уже двукратной чемпионкой мира и ехала в Монреаль не просто участвовать, а выигрывать две золотые медали. На вышке и на трамплине.

В Олимпийской деревне мы все — и пловчихи и прыгуньи — жили в одной трехкомнатной квартире студенческого (в послеолимпийском проекте) общежития, где было лишь две двери: входная и та, что вела в умывальный блок. Написать, что жили дружно, было бы натяжкой. Не ссорились, но и почти не разговаривали между собой — у каждой хватало своих проблем, главная из которых сводилась к тому, чтобы банально выспаться. Пловцы начинали тренироваться в шесть утра, поэтому в восемь вечера уже расползались по кроватям. У нас же, поскольку соревноваться предстояло в очень позднее время, вторая тренировка заканчивалась в двенадцать ночи. Соответственно, и спали мы утром до полудня. И было чрезвычайно непросто, умываясь и принимая душ за фанерной стенкой в грохочущих под напором воды рукомойниках и поддонах из тонкой нержавеющей стали, не будить тех, кто спит.

Еще одним тяжелым испытанием была столовая. Она работала круглосуточно и для спортсменов и тренеров, приехавших из неизбалованных изысками стран, яв-

ляла собой апофеоз гастрономической мысли. Мясо, рыба, курица, приготовленные дюжиной различных способов, свежие и запеченные овощи, ягоды, орехи, обилие тортов, пирожных, муссов, салатов, копченостей, сыров...

Правда, от излишнего аппетита (и, как следствие, — веса) меня быстро вылечил отец. Случайно увидев, как я с вожделием накладываю на громадную тарелку третий слой снеди поверх двух, уже утрамбованных, он просто вывернул все блюдо целиком мне за шиворот. А когда я расплакалась от унижения, бросил традиционное: «Утри сопли. Ты за этим сюда приехала?»

Наверное, по-другому было просто нельзя. И мама, и отец посвятили спорту всю свою жизнь. Прорваться в сборную страны им не довелось, хотя ради Олимпийских игр оба, не задумываясь, пожертвовали бы чем угодно. И сам факт, что дочь имеет возможность выступить на Играх, но при этом не способна отказаться от каких-либо соблазнов, был для них абсурден.

Но понять это в восемнадцать лет я была не в состоянии. Поэтому, в очередной раз утерев слезы и вытряхнув из-под майки остатки торта, желе и мороженого, я просто решила, что сделаю все возможное, чтобы не попадаться родителю на глаза до самого конца Игр.

Это было несложно. Папа был полностью поглощен своей командой. Я же, предоставленная вне тренировок самой себе, немедленно вяпалась в новую авантюру.

* * *

Произошло это в загородном отеле, специально снятом руководством сборной для советской команды, чтобы каждый из спортсменов мог накануне старта отдохнуть и выспаться в человеческих условиях — комфортабельном одноместном номере. Помимо сауны, массажа и массы прочих восстановительных процедур, там было предусмотрено все для активного отдыха.

После ужина мне приспичило покататься на велосипеде. Владельцы отеля — молодая симпатичная пара ка-

надских французов — долго пытались что-то объяснить на пальцах, затем подозвали четырехлетнюю дочь.

— Мама с папой говорят, что уже закрыли гараж. Но ты можешь поехать с нами на машине вокруг озера. Оно очень красивое. А потом мы привезем тебя обратно...

В отличие от своих родителей, девчужка бойко щебетала по-английски и всю дорогу развлекала меня, как могла.

— Тебя как зовут? А меня — Кэрол. Тебе нравится? А сейчас за поворотом будет мое любимое кафе. Там такое вкусное мороженое... Зелененькое, с орешками и изюмом. Ты обязательно должна его попробовать. А потом мы поедем к нам домой, и я подарю тебе свою любимую пластинку. Ма-ам, — Кэрол переключилась на французский язык, то и дело тыкая пальцем в мою сторону. Затем снова повернулась ко мне: — Мама сказала, что это хорошая идея...

Естественно, мы заехали и в кафе, и в гости, правда, там я уже всерьез задержалась по причине позднего времени, и супруги, отменив запланированное было совместное чаепитие, повезли меня обратно в отель.

На крыльце стояли врач, массажист и один из тренеров сборной по плаванию. Они внимательно наблюдали, как я вылезая из машины, прощаюсь с французами. Затем расступились, пропуская меня внутрь здания, и кто-то мрачно произнес мне в спину: «Спокойной ночи...»

День спустя начались соревнования у мужчин-прыгунов. Я увлеченно комментировала происходящее вслух перед телевизором, который был установлен в штабе делегации специально для спортсменов и тренеров, и в процессе этого занятия ко мне подсел симпатичный незнакомый человек.

— Вы так интересно рассказываете о прыжках в воду, Лена! У меня вопрос, кстати, в связи с этим. Давайте выйдем на балкон, чтобы не отвлекать остальных.

За дверью собеседник преобразился. От радушия не осталось никакого следа.

— Вчера вы покинули расположение команды и отсутствовали полтора часа. Меня интересуют имена,